

Глава 377: Мудрые слова после спиртного

Лян Хунчжуан уставился на Су Ли. Без выражения на лице он спросил, как мертвый человек: «Почему?»

Тишина окутала округу. Никто не мог ответить на этот вопрос.

Он горько улыбнулся: «Я думал, что небесные законы пройдут оборот, но не из-за моей мести, просто время еще не пришло, и даже если бы оно наступило немного поздно, всегда был бы нужный исход. Кто бы мог подумать, что нет небесных законов? Почему они позволяют кому-то, похожему на вас, так хорошо жить? Видя, что вы собираетесь сегодня умереть, он появился из ниоткуда».

Чэнь Чаншэн опустил голову. Он не смотрел на него, и рука, сжимающая кинжал, немного дрожала.

«Как наш клан Лян обидел вас? Какую выгоду вам дал клан Чэнь из Тяньляна? Десять лет назад вы хотели стереть с лица планеты мой клан Лян!»

Смех Ляна Хунчжуана становился громче и громче, кровь в его теле текла быстрее и быстрее, а его голос становился все более пронзительным. Когда он говорил последние слова, его вопрошание стало ревом, ревом раненого зверя. Он был полон злобы и нежелания, отчаяния и боли. Этот рев пронзал глубочайшие части душ тех, кто слышал его.

Голова Чэнь Чаншэна опустилась еще ниже, его лицо стало еще более бледным, а его рука задрожала еще больше. Казалось, как будто в следующий миг он не удержится за рукоять кинжала. Он не желал видеть Ляна Хунчжуана, который, как казалось, уже сходил с ума, и не смел смотреть на Су Ли. Чэнь сильно переживал, что если увидит их, то почувствует необузданное чувство вины за то, что он сделал, и погрузится в боль и терзания.

Услышав горевание и возмущенное вопрошание Ляна Хунчжуана, и видя Чэнь Чаншэна, опустившего голову, Су Ли остался невозмутимым - то, что уже произошло, никогда не изменить. Поэтому, жалел ли он об этом или нет, это все было бессмысленно, так что не было необходимости винить себя. Даже если были сожаления, они лишь могли случиться в его собственном сердце. Он определенно не упадет до уровня оправдания себя перед миром.

Таким человеком он был. Если бы это было прошлое, каким бы жалким не был Лян Хунчжуан, Су Ли ушел бы даже без изменения в выражении лица. Сегодня он тоже вел себя также, без изменения в выражении лица, но по какой-то причине он сказал несколько слов перед уходом. Возможно потому, что голова Чэнь Чаншэна была опущена слишком низко, а кинжал в его руке так сильно дрожал?

«Когда твои предки клана Лян были императорами, скольких людей юга они убили, и как много сект они уничтожили?»

Су Ли безвыразительно смотрел на Ляна Хунчжуана и говорил: «Что касается уничтожения клана Лян... если бы я действительно хотел этого, как бы ты смог стоять сегодня передо мной живым, и как бы Лян Вансунь все еще был бы жив?»

Он вдруг почувствовал себя довольно раздраженным. Су Ли посмотрел на Чэнь Чаншэна и холодно сказал: «Почему ты по-идиотски стоишь и не уходишь? Ты имитируешь одиночество или наполненность отчаянием? Не думай, что лишь потому, что ты спас меня, у тебя есть право отчитывать меня».

Сказав это, он направился к другой стороне гор.

После этих дней отдыха он все еще был тяжело ранен, но уже мог медленно ходить.

Два пушистых оленя насытились зеленой травой и вернулись к ним. Они посмотрели на Су Ли, который шел вдаль, и на Чэнь Чаншэна, который стоял с опущенной головой. Они казались довольно запутанными, не зная, за кем следовать.

Чэнь поднял голову и взглянул на Ляна Хунчжуана. Он хотел сказать что-то, но в результате сказал лишь одно слово: «Простите».

После того, как он сказал это тяжелое слово, его настроение не стало более расслабленным. Он протянул руку, чтобы обмотать веревки вокруг шей оленей, и молча последовал за одиноким человеком вдаль.

Сторона горы была направлена к югу.

Лян Хунчжуан больше не мог сдерживаться и упал на свой зад. Он посмотрел на двух людей, которые приближались друг к другу, и болезненно закричал: «Ты думаешь, что сможешь вернуться на юг? Если ты продолжишь следовать за ним, ты определенно умрешь!»

Чэнь Чаншэн не оборачивался и продолжил двигаться вперед с опущенной головой.

Су Ли шел очень медленно, так что Чэнь Чаншэн вскоре догнал его.

Пушистый олень поднял переднюю конечность и поставил колено на землю. Он поднял Су Ли себе на спину.

От начала до конца никто ничего не говорил.

Пройдя мимо горы и еще двух гор, пушистый олень остановился рядом с травянистым холмом, похожим на мох.

Чэнь Чаншэн слез со спины оленя и сделал рывок к краю пути. Он наклонился, и его начало тошнить.

Су Ли посмотрел на него и ухмыльнулся: «Не то, чтобы тот парень умер. К чему вдруг тебя тошнит?»

Чэнь Чаншэн махнул рукой и хотел объясниться. Но он не смог подавить неприятное чувство в груди, и его снова стошнило.

Его битва с Ляном Хунчжуаном была его первой битвой, в которой он своими силами победил эксперта Конденсации Звезд. Если бы битва не была чересчур обычной, что, как казалось, преуменьшало ее, возможно, у этой битвы было бы место в истории.

Однако, цена, заплаченная юношей, не была обычной. Битва между разными стадиями культивации, очевидно, не была такой простой, как это казалось. Под давлением Звездного Домена Ляна Хунчжуана юноша тоже понес тяжелые ранения. Все его кости, как казалось, хотели треснуть. В то время, когда его тело непрерывно дрожало, это была проблема с его настроением, но также это было связано с тем, что его тело не могло держаться.

Однако, истинные ранения были не в его теле, а в его разуме.

У него не было таланта в культивации, как у Сюй Южун, и тем более не было врожденного таланта, который был достаточно сильным, чтобы превзойти стадии культивации. Он лишь начал изучать Интеллектуальный Меч, но принудительно использовал его против противника. К тому же он использовал семь ударов, что не было чем-то, что юноша мог выдержать в данный момент. Большая часть сбора и анализа информации со сложными расчетами, которые были обширными и безграничными, как океан, или даже звездное небо, выжали всю его психическую энергию, сокрушив его море сознания до степени, что оно было на грани коллапса.

Он израсходовал все свое духовное чувство на эти семь ударов, и его море сознания было опустошено.

Тело культиватора было лодкой для его моря сознания. Теперь, когда море сознания высохло, лодка непрерывно падала в бездну, не останавливаясь. Это был очень страшный процесс. Чэнь чувствовал, что все его окружения, гора и травяной холм, непрерывно вращались и менялись. Блистательно голубое небо, как казалось, падало на его голову, из-за чего юноша чувствовал себя невероятно обеспокоенным, испытывающим неудобства, головокружение, и чувствовал боль и слабость. Это было подобно выпиванию спиртного в течение семи дней и ночей без перерыва, причем это была сильная, или даже плохая выпивка.

Чувство невероятной болезненности и неудобства, причем на психическом уровне, не могло быть изгнано из его тела несмотря ни на что.

Его стошнило жареным мясом и дикими фруктами, которые он съел прошлой ночью и утром. Его также стошнило желудочной кислотой, и в итоге его лишь тошнило водой, пока он уже не смог продолжать делать этого. Он не останавливался, и его начало тошнить без ничего, как будто это будет продолжаться, пока не высохнут моря и не обмякнут камни, в течение целой вечности. Лишь так это могло выразить его чувства миру.

Су Ли смотрел на юношу, которому было плохо на краю пути, но ничего не говорил.

Спустя неизвестное время он взял Желтый Бумажный Зонтик, как трость, и подошел к Чэнь Чаншэну сзади. Он медленно поднял зонтик, а затем ударил Чэнь Чаншэна по шее сзади.

После шлепка Чэнь Чаншэн медленно рухнул. Прежде, чем он упал, он использовал остатки энергии, чтобы убедиться, что упадет назад и не испачкается в той гадости, которой его стошнило.

Однако, он не потерял сознание. Глаза юноши оставались открыты, и он смотрел на небо. Он был в невероятной боли и был невероятно ослаблен.

Су Ли безразлично сказал: «Если ты не желаешь потерять сознание, ты можешь сойти с ума».

Предыдущий удар израсходовал всю энергию, которую он тайно накопил за последние несколько дней. Изначально он думал, что хоть этого и будет недостаточно, чтобы убить противника, этого будет достаточно, чтобы спасти кого-то. Однако, он не думал, что тело этого юноши было настолько крепким.

Чэнь Чаншэн открыл свой рот, как рыба в агонии, и слабо сказал: «Господин, на горе есть травинка».

«Неужто ты захотел написать поэму перед смертью? - Су Ли сказал. - Не веди себя подобным образом, людям от этого неудобно».

Чэнь Чаншэн поднял руку с большим трудом и указал на траву. Он сказал: «Это Стодневное Опьянение».

Как и только что сказал Су Ли, если он будет продолжать подобным образом, действительно может случиться, что его море сознания рухнет, и это приведет к его смерти или превратит его в идиота. Также, еще важнее то, что ему было действительно неудобно и он испытывал сильную боль. Если бы он все еще мог ясно видеть в это время, и смог бы увидеть белые облака в блистательном небе, он бы определенно взял золотую иглу в первый же миг и лишил бы себя сознания. Однако, он не мог сделать этого.

К счастью, когда он упал, он заметил траву, которая могла помочь ему лишиться сознания.

Су Ли понял, что он подразумевал, и подобрал траву. Он грубо перемолол траву рукой, а затем впихнул ее в рот Чэнь Чаншэна.

Юноша наконец-то закрыл глаза. Его лицо все еще было бледным, а его ресницы немного дрожали.

Су Ли устало выдохнул несколько раз, а затем присел, скрестив ноги. Он взглянул на тихую гору, и его правая рука легла на ручку зонтика.

Спустя некоторое время Чэнь Чаншэн вдруг открыл глаза и рассеянно посмотрел на небо.

Су Ли взглянул вниз и сказал: «Не хочешь терять сознание?»

Чэнь Чаншэн устало сказал: «Эффект не наступает так быстро».

Су Ли сказал: «Тогда закрой свой рот, закрой глаза и жди».

Чэнь сказал с трудом: «Но есть пару вещей, которые я бы хотел сказать Господину».

Су Ли замолчал на некоторое время, а затем невозмутимо сказал: «Валяй».

«Господин... вы должны убивать меньше людей в будущем».

С этим Чэнь Чаншэну наконец-то показалось, что он сделал то, что надо было сделать. Он расслабился, закрыл глаза и потерял сознание.